

Социально-политическая сословность в самосознании башкирского народа

А. М. Бускунов

*Башкирский государственный университет, Сибайский институт (филиал)
Россия, г. Сибай, 453833, улица Белова, 21.*

Email: bashgu_coll@mail.ru

Социальная сословность в башкирском обществе в статье рассматривается автором как общественно-политический феномен. На базе сохранившихся устных преданий и письменных источников, обширного материала из народного творчества раскрываются особенности его отражения в самосознании народа. Представлено развитие общественно-политической мысли башкир об институтах власти и социальной стратификации в башкирском обществе, его отражение в самосознании башкирского народа.

Ключевые слова: социальная сословность в башкирском обществе, устные и письменные источники о племенах и родах, социальное равенство и справедливость, бии, батыры, баи, народ, идеи единения, консолидации и борьбы.

На протяжении длительного исторического периода народом создавалось и сохранилось большое количество устных преданий [1] и письменных источников [2] о древних башкирах. Древние тюрки создавали на территории Евразии свои государственные образования – Восточный, Западный тюркский и Хазарский каганаты, которые существовали в VI-X веках. На обломках этих государств в более поздний период возникали новые государственные образования тюрков: государство древних киргизов (хакасов), древнеуйгурский каганат, государство булгар и т.д. [3]. Известны большие племенные объединения (союзы) тюрков, печенегов, половцев. Стоит отметить, что некоторые племенные союзы были весьма близки по своей организованности, единству и военной мощи к раннеклассовым государствам. Нечто подобное в IX-XII вв. представляли собой и башкирские племена, первые письменные сведения о которых известны с IX века [4].

В башкирских преданиях и легендах, в которых рассказывается о происхождении племен, родов и их названий, а также об историко-культурных связях башкир с другими народами, об их мировоззренческих установках, можно обнаружить также и сведения о сословном характере общества. Сохранившиеся письменные источники застают башкирский народ на территории Южного Урала. Арабские и персидские писатели IX-XIII веков упоминают о башкирах, как о самостоятельном народе, занимавшем почти ту же территорию, которая оставалась неизменной до XVIII века. Башкиры считаются

древнейшими жителями края, они обитали по обеим сторонам Уральского хребта, между Волгой, Камой, Тоболом и верхним течением Яика (Урала) [5].

Из устных и письменных источников видно, что в IX – XIII веках башкиры представляли собой группу племен. Общеизвестно, что в степной и лесостепной зонах Южного Урала оптимальной формой хозяйственной деятельности населения с древнейших времен являлось комплексное кочевое и полукочевое скотоводство. В соответствии с этим строилась и социальная структура общества, определялось конкретное место и поведение всех его членов в сезонных и годовом хозяйственных циклах.

Исторические предания, в которых имеются сведения о протогосударственных отношениях в крае, о сословности в башкирском обществе, отражают реальные политические события и властно-управленческие отношения того периода в народном осмыслении. Эти предания могут быть разделены на две основные тематические группы: исторические народные предания о борьбе с внешними врагами и предания о борьбе за социальное равенство и свободу внутри общества [6]. В некоторых исторических преданиях показаны сложные социально-управленческие отношения в обществе, часто в них осуждаются некоторые поступки представителей башкирской знати.

Например, эпический памятник башкирского народного творчества "Урал-батыр" несет значительную протополитико-философскую нагрузку [7]. Осуждая власть над людьми и стремление к ней, поэма превозносит принципы равенства и справедливости. Главная цель произведения нашла воплощение в утверждении идеи борьбы со смертью, олицетворяющей зло (несправедливость, неравенство, господство одних над другими и т.д.) и все противостоящее жизни. Таким образом, в "Урал-батыре" поставлена гуманистическая общечеловеческая цель. Постановка общечеловеческих целей есть не что иное, как философская проблема. Именно поэтому данное произведение в большей мере, чем другие произведения народного творчества башкирского народа, характеризуется выраженной философичностью; это источник изучения мировоззрения древних башкир, раскрывающего истоки его менталитета, представления о ранних формах управленческих отношений, определившего основные идеи нравственной культуры народа на будущее.

Проблемы социального равенства и справедливости нашли отражение и в других сказаниях башкир. Например, в эпосе "Акбузат" [7] показывается имущественное расслоение людей, нашедшее выражение в форме барымты. Барымта одновременно выступала и как моральная, и как правовая норма (вернее, норма обычного права). Смысл барымты как социальной нормы феодальной эпохи состоит в том, что народ, разобщенный на отдельные племена и племенные союзы, не имел единого государственного образования, которое могло бы охватить общим масштабом поведение всех и каждого. В этот период в башкирском обществе еще не было развитых политико-правовых отношений в современном понимании.

В X – XIII веках начался процесс интенсивного объединения башкирских племен, что нашло отражение в народном творчестве. Свидетельства арабских писателей говорят о том, что у башкир к тому времени уже выдвинулись племенные вожди, пользовавшиеся большим экономическим и политическим влиянием. Вожди имели свои дружины. Эпос «Кусяк-би» указывает, что би, являвшиеся предводителями родов, являлись на джины со своими дружинниками. Биев объединял глава союза племен, которого эпос называет ханом:

*«Вот Тимер-Котло, батыр молодой,
Словно орел в дали голубой,
К хану на помощь, как птица, летел
И, по дороге оружием звенел.
С ним восемнадцать десятков бойцов
Как на подбор молодых удальцов,
Род тангауров батыр возглавлял,
Силой своею весь мир изумлял.
После приехал Таймас удалой,
Целое войско привел он с собой:
Сто пятьдесят молодцов боевых,
В битвах не знавших преград никаких.
Вслед им Кара-Килембет прискакал,
Древний свой род тот батыр возглавлял,
Отпрыск от славного рода Хаин,
Смелых батыров своих властелин.
Триста бесстрашных отважных бойцов,
С ними еще шестьдесят молодцов,
И возглавлял их Кара-Килембет...» [8]*

Многочисленные источники ясно указывают на то, что у башкир было общинное землевладение, то есть земля принадлежала не предводителям племен в отдельности, а тому или другому роду как общине и считалась его вотчиной. Такой способ землевладения сохранился и после принятия башкирами московского подданства, что, в свою очередь, также нашло отражение в шэжэрэ башкир и в русских летописях[9]. Внутренняя самоорганизация башкирского общества того периода сохранила еще иерархически соподчиненную систему многочисленных родов и племен, что позволяет рассматривать его как особую форму адаптации социума к существующей действительности. Древние предания башкир указывают на то, что основные компоненты этой системы: скот, земля, община – составляли единое целое, на котором веками держался этот хозяйственно-культурный тип. Башкиры исходили из того, что равновесие в их обществе достигалось гибкостью и многоступенчатостью его родоплеменной структуры. На деле подвижность этой системы на уровне нижних и средних звеньев (подрод – ара

или аймак, род) обеспечивала ее постоянную регенерацию за счет сегментации рода и самостоятельного функционирования новых родовых подразделений, которые, в свою очередь, могли со временем вырастать до отдельного рода или племени. Народное творчество передает нам сведения о том, как по мере консолидации и объединения нескольких племен возникает необходимость в поиске новых форм управления, адекватных к ситуации. Несмотря на усиление русского присутствия в крае после вхождения башкир в состав Московского государства, обширность родовых территорий башкир в сочетании с относительно низкой плотностью населения способствовала внутренней консолидации башкир.

Источники также указывают, что в тот период саморегуляция плотности населения и численности поголовья скота в общей системе природопользования происходила в соответствии с потенциальными резервами угодий, а также кормов на пастбищах. В этих условиях сохранение элементов родоплеменной организация общества являлась оптимальной, если не единственно возможной, формой, обеспечивающей целостность всех звеньев общества. Внутриродовая солидарность, основанная на идее кровного и генеалогического родства, где все члены рода были одного или родственного крова, являлась ее сплачивающей и цементирующей основой. Источники также однозначно свидетельствуют о том, что в условиях общинности каждый человек мог реализовать себя только в составе конкретного рода и был обречен за его пределами, так как выработанные веками традиции и нормы обычного права гарантировали ему защиту, личного и родового имущества, прежде всего скота (барымта), а так же целостности границ родовых территорий и водных источников усилиями всего коллектива. В данном случае на первую роль выходили коллективные интересы всего башкирского общества. Это было непреложным законом для всех членов рода и племени.

В башкирских шэжэрэ указывается на то, что в домонгольский период башкиры находились на стадии родового развития с хорошо выраженными признаками военно-политической организации. Социальная верхушка родов в лице биев, батыров, баев, служителей культа обладала большим количеством скота, а потому занимала доминирующее положение в обществе[10]. Имущественная дифференциация внутри башкирских родов и племен, основу которой составлял скот, являлась естественным состоянием и воспринималась сородичами как норма. Предания указывают на развитость идей единства всего башкирского общества, из чего можно сделать вывод о том, что в тот период вожди племен не могли быть не богатыми, так как это являлось залогом устойчивости всей системы, необходимым условием уважения и признания их авторитета среди соплеменников, в том числе и у соседних родов и племен.

Идеи развитых общественных отношений у башкир нашли отражение в шежере многих родов и племен и в более позднее время, показывающих не только генеалогическую историю рода, исторические события на протяжении десятков поколений, но и генеалогию самой родовой аристократии. Рассматривая башкирскую знать можно

предположить, что появление шежере было обусловлено не только необходимостью доказательства своей принадлежности к тому или иному роду, но и стремлением отдельных представителей родоплеменной знати показать древность и знатность своего рода, а следовательно, свое наследственное право на власть или преимущественное положение в обществе.

В самосознании башкир также четко отражены их представления о месте и роли своего рода или племени среди других народов и империй степного края. Исторические источники свидетельствуют, что в плане социальной структуры Историческая Башкирия XIII-XIV вв. мало чем отличалась от других районов Золотой Орды. Если, например, члены семьи и родственники ханов представляли центральную власть государства, то в управлении они опирались на местных ханов, темников, тысячников и другие социальные группы. Эту иерархическую особенность золотоордынского общества четко описал Плано Карпини проезжавший через южно-уральские степи в XIV веке. Он пишет, что "хан указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники сотникам, сотники – десятникам" [11]. Все эти должности в сложной государственной системе на правах вассальной зависимости даровались монголами верным своим людям, в том числе из среды башкирской знати.

Одним из таких подчиненных был руководитель башкирского племени Усерган Муйтан бий[12]. В одном из шежере рассказывается о том, что башкиры своего предводителя – хана Муйтан бия с богатыми дарами, направили к монгольскому хану Чингизхану, где он был принят с большими почестями. Пройдя ряд своеобразных испытаний, он вошел в ближайшее окружение хана и принимал участие в государственных делах. "Сразу не отпустив домой, – говорится в шежере, хан постоянно держал (сажал) возле себя, приглашал на советы. Убедившись в государственной мудрости Муйтан бия, наконец, выдал ему грамоту на право владения территорией, куда вошли земли "от верховьев реки Белой до ее устья со всеми долинами, лесами, притоками; восточные склоны Уральских гор с прилегающими долинами, лесами, полями до рек Ишим, Ирман и Иртыш со всеми притоками; еще верховья реки Яик с горами Ялпы, по обоим ее берегам. Земли по восточному берегу реки Яик до реки Тубыл со всеми притоками, долинами, лесами, полями и всеми подземными богатствами башкирам рода Туксоба – земли со всеми кочевьями и зимниками передаются на вечное пользование"[12]. В одном из вариантов легенды наследственный характер этого права уточняется словами о том, что оно дается пожизненно ему, его сыновьям и их внукам. В грамоте говорилось о том, что каждый из них будет бием (ханом) без избрания, то есть по наследству. В шежере нашла отражение генеалогия Муйтан бия. В ней перечислены 13 его предков. Имеются и сведения о его потомках, правивших башкирами на правах удельных ханов.

О существовании ханов и тарханов у башкир известно и по другим источникам. Например, венгерский автор XIII века Рихтер сообщает, что у башкир правители-ханы

проявляют большую ревность по отношению к мусульманской религии. Имена башкирских ханов зафиксированы в текстах надгробий XIV века. В них, например, упомянуты Байджура хан в районе устья реки Уфы, Тугаш хан на реке Ик и другие [14].

Мудрость башкирских биев восхваляется в преданиях о добровольном вхождении башкир в состав Московского государства. В письменных источниках и в башкирских шэжэрэ много говорится о роли тарханов[13]¹. Башкирские тарханы, получавшие ханские ярлыки на свое звание, пользовались, несомненно, всеми теми правами, какие давались и другим тарханам в золотоордынском ханстве. Видимо порядок пожалования ярлыками после распада Золотой Орды был унаследован Казанским и другими ханствами. Например, до наших дней дошел ярлык казанского хана Сахиб-Гирея (Гарея), выданный в 1523 году сразу девяти башкирским биям. В этом ярлыке говорится: «Ясак, оброк, подать, именуемую салыт, не взимать. Подать кулыш култыка, таможенную пошлину, харадж и хараджат не требовать. К имуществу, собственности, деньгам, водам, землям никто рук пусть не протягивает. В дом их насильно посланников – гостей не ставить. Деревенскую подать, земельный налог, налог с трубы (с них) не собирать. Продовольствия, фуража не требовать. Ни с каких сторон вреда и притеснения (им) не причинять»[14].

Подобная же грамота ханом Сахиб-Гиреем была выдана башкиру Шиг-Ахмету. Звание тархана вместе с Шиг-Ахметом получили еще 6 человек. В спорном деле о земле между башкирами Ирехтинской волости и чувашами, разбиравшемся в 1678 году, в Москву была представлена тарханная грамота 929 (1522) года следующего содержания: «Саиб-Гирей хан велел быть в тарханах Шиг-Ахмету с товарищами, семи человекам: и до животов их, до земель, чем они владеют, и в воды их никому не поступаться». Царь Федор Алексеевич предложил уфимскому воеводе Скуратову выяснить местожительство Шиг-Ахмета в момент получения им от Сахиб-Гирея тарханной грамоты. Произведенный среди жителей повальный опрос обнаружил, что Шиг-Ахмет жил на реке Ик и был одним из предков башкир Ирехтинской волости. Представленные источники указывают на то, что у башкир в рассматриваемый период было довольно много тарханов, так как тарханские грамоты во многих случаях передавались по наследству. В самосознании народа сохранились представления о тарханах как об авторитетных предста-

---

¹ Как правило, тарханы – это бии, которые возглавляли роды и племена. Они управляли местными административными единицами, выполняя финансово-хозяйственные, полицейские, военные функции. Институт тарханов в историографии изучен недостаточно. Имеются отдельные высказывания о переходах биев, мурз, дуванов, князей, батыров и даже рядовых башкир в тарханы. В литературе имеется и противоположная точка зрения о том, что тарханское звание давалось только родовым старейшинам (наверное, имеются в виду бии). Дуваны, князья и тарханы в свое время были общепризнанными высшими слоями башкирского общества, имевшими одинаковые права и обязанности. Они управляли местными административными единицами, выполняя финансово-хозяйственные, полицейские, военные функции.

вителях власти, кроме того, бии и мурзы, как и тарханы, также были в представлении рядовых башкир представителями знати.

Рассматривая социальную сословность в башкирском обществе и его отражение в самосознании народа, надо иметь в виду и тот факт, что значительную прослойку в социальной структуре башкирского народа после принятия ислама составляло мусульманское духовенство, а до распространения ислама – служители различных культов в лице шаманов, знахарей, прорицателей, баксы и др.

Литература

1. Башкирские предания и легенды / Сост., вступ. ст. и коммент. Ф. А. Надршиной. Перевод с башкирского Г. Г. Шафикова и Ф. А. Надршиной. – Уфа: Баш. кн. изд-во, 1985. – 287 с.
2. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий под редакцией академика И. Ю. Крачковского. Институт истории и Институт Востоковедения Академии наук СССР, М. Л., 1939 год, стр. 63–68. Рубрук де Вильгельм. Путешествие в восточные страны (1253 года). В переводе и с примечаниями А. И. Малеина. СПб, 1911, стр. 95, 101.
3. Еникеев З. И. Правовой статус Республики Башкортостан как субъекта Российской Федерации. – Уфа: Гилем Бускунов А. М. Политико-правовой статус Республики Башкортостан как субъекта Российской Федерации. – Уфа, 2003., 2003.
4. Башкирские сказки и легенды (эпос, легенды и предания, богатырские сказки, волшебные сказки, сказки о животных...). Уфа. 1996. 208 стр.
5. Парламентаризм в Башкортостане: история и современность. Документы и материалы / Сост. В. Г. Азнагулов, З. Г. Хамитова. Книга 1. – Уфа: ГРИ "Башкортостан", 2005 г. – 304 с.: ил
6. Башкирское народное творчество: Предания и легенды/ Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Ф. А. Надршина. Отв. ред. Л. Г. Бараг. – Уфа: Баш. кн. изд-во, 1987.
7. Валеев Д. Ж. История башкирской философской и общественно-политической мысли. Основные тенденции развития. – Уфа: Китап, 2001.
8. Башкирские народные легенды и предания. Уфа: Китап, 2001. – 468 с.
9. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974.
10. Янгузин Р. З. Башкирские племена. Уфа: Китап, 1995. (на башк. яз.).
11. Плано-Карпини де Иоанн. История монголов, именуемых нами татарами (1246 год). В переводе и с примечаниями А. И. Малеина. СПб, 1911, стр. 25, 35, 50.
12. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов 19 века. Уфа, 1997. с. 244.
13. В. В. Вельяминов-Зернов. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями... Записки Имп. Академии наук, 1864 год, том IV, книга 2, приложение номер 6, стр. 1–48.

14. Ярлык хана Сягиб-Гирея «Вестник научного общества татароведения». №1–2, Казань, 1925 год, стр. 33–34. История Татарии в документах и материалах. М., 1937 год, стр. 101–103.

Статья рекомендована к публикации кафедрой гражданского права и процесса
Сибайского Института (филиала) БашГУ

Socio-political stratification in national identity of the Bashkir people

A. M. Buskunov

Bashkir State University, Sibay Branch (Institute)

21 Belova Street, 453833 Sibay, Russia.

Email: bashgu_coll@mail.ru

Social social estates in the Bashkir society in the article discusses the author as a socio-political phenomenon.

Keywords: social social estate, Bashkir society, oral and written sources, tribes and clans.